

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР
ОДЕССКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И. И. МЕЧНИКОВА

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ СССР

ВЫПУСК 8

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ МЕЖВЕДОМСТВЕННЫЙ
НАУЧНЫЙ СБОРНИК

Основан в 1975 г.

КИЕВ — ОДЕССА
ГОЛОВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
«ВИЩА ШКОЛА»
1982

В сборнике исследуются проблемы художественного изображения взаимодействия национальных литератур, творческой преемственности, художественного перевода. Авторы изучают действенность традиций М. Салтыкова-Щедрина, М. Коцюбинского, Ф. Достоевского, И. Франко, М. Горького в современной советской литературе, прослеживают украинско-белорусские и татарско-украинские литературные связи, разрабатывают вопросы художественного мастерства Ю. Нагибина, О. Гончара, А. Якубова, В. Катаева, В. Астафьева, О. Чиладзе, Ч. Айтматова, О. Сулейменова. На материале современных произведений рассматриваются новые черты характера советского человека, факторы воспитания активной гражданской позиции.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов-филологов.

Редакционная коллегия: *О. А. Баканидзе, Л. А. Бурчак* (отв. секретарь), *Г. А. Вязовский, П. А. Гонтарь, И. В. Долганов, Г. С. Домницкая, В. А. Дорошенко, И. М. Дузь* (зам. отв. редактора), *Д. К. Кондратьева, С. А. Крыжановский, В. М. Лесин, И. Р. Семенчук, Л. А. Терокопян, В. В. Фащенко* (отв. редактор).

Адрес редакционной коллегии: 270000, Одесса-центр, П. Велико-го, 2, Одесский государственный университет

Редакция гуманитарной и естественной литературы при Одесском государственном университете

честве поэта сливаются две языковые стихии, что также является свидетельством нерасторжимого в его поэзии единства двух литератур — казахской и русской.

Список литературы: 1. *Ауэзов М.* Времен связующая нить. — Алма-Ата: Жазушы, 1978. 2. *Полмидзе Г.* Интернациональный пафос советской литературы. — М.: Советский писатель, 1974. 3. *Мартынов Л.* Вместо предисловия. — В кн: *О. Сулейменов.* Определение берега. Алма-Ата: Жазушы, 1979.

Поступила 07.11.80

А. Г. ШКЛЯЕВ

**ВЛИЯНИЕ РОМАНТИЗМА А. М. ГОРЬКОГО
И ФИНСКИХ ПОЭТОВ НА УДМУРТСКУЮ ПОЭЗИЮ
В ПЕРИОД ЕЕ ПЕРЕХОДА К РЕАЛИЗМУ**

Одно из замечательных явлений советской многонациональной литературы — это финно-угорские литературы Поволжья и Урала. Вызванные к жизни национально-освободительным движением на рубеже XIX—XX веков, они едва пробивались на свет в атмосфере социального и национального гнета царской России. Октябрьская революция дала им возможность пройти ускоренный путь развития и достичь своего расцвета. До революции эти литературы (удмуртская, марийская, коми, мордовская) находились на той стадии развития, когда каждая из них носила фольклорный характер, была этнографически-описательной или иллюстративной в духе элементарного просветительства. Революция внесла в них романтику и анализ, усилила в них отрицающее и утверждающее начала и сделала молодые литературы оружием познания и борьбы за новую жизнь.

В поисках ответов на главные вопросы жизни, а также соответствующих форм эти литературы обращались к опыту мировой классики. Ничто не может вырасти на голом месте, без учета традиций накопленной культуры. В. И. Ленин обращал особое внимание деятелей социалистической культуры на то, что нам нужна «не *выдумка* новой пролеткультуры, а *развитие* лучших образцов, традиций, результатов *существующей* культуры с *точки зрения* миросозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры» [1, т. 41, 462].

Удмуртская поэзия в решающий период ее развития, который совпал с формированием в ней реализма, обращалась к творчеству многих поэтов, в том числе к творчеству А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова, А. Блока, В. Маяковского, венгерского поэта Ш. Петефи и других. Но особую страницу в истории удмуртской поэзии занимают произведения, на которые сказали влияние М. Горький и финские поэты. Их творчество сыграло исключительную роль в тот момент, когда удмуртская поэзия утверждалась в своей национальной самобытности и вырабатывала соответствующие историческим условиям художественные формы.

Как это происходило? Почему именно эти писатели и какой стороной своего творчества повлияли на удмуртскую поэзию? В этом обстоятельстве есть доля той случайности, в которой проявлялась историческая необходимость и закономерность. В такой же степени на удмуртскую поэзию могли, например, повлиять М. Горький и венгерские романтики или выдающийся коми поэт И. Куратов (если бы его произведения были изданы и доступны). Но получилось так, что еще подростком будущий писатель, основоположник советской удмуртской поэзии, К. Герд (1898—1941), живший на квартире у русской учительницы, прочел М. Горького и был потрясен стихами из его романтической «Валашской сказки»:

А вы на земле проживете,
Как черви слепые живуг:
Ни сказок о вас не расскажут,
Ни песен про вас не споют

Герду казалось, что это сказано о нем и его народе, и он дал себе клятву стать известным и вывести свой народ из угнетенного состояния. «С этой клятвой,— вспоминал потом Герд,— я в 14 лет покинул свою черную избу и за 400 верст пошел учиться в семинарию» [2, 23]. Эти стихи пробудили интерес Герда ко всему творчеству М. Горького. «Вслед за стихами,— вспоминал поэт,— я с нетерпением один за другим читал его рассказы, и передо мной вставала широкая и ясная дорога, я шел по ней, открывая все новые и новые горизонты» [2, 23].

С тех пор взор Герда постоянно был обращен к творчеству М. Горького. Этот интерес молодого поэта про-

являлся по отношению ко всему тому, что издавал и делал великий писатель. Так, будучи в Москве в 1919 году на курсах по подготовке работников просвещения, Герд обратил внимание на «Сборник финляндской литературы», изданный в 1917 году под редакцией М. Горького и В. Брюсова. Сборник состоял из предисловия, обширного очерка и произведений Л. Рунеберга, Ю. Векселя, А. Оксаяна, К. Крамсу, А. Эрнефельта, П. Пейверинты, М. Истунни, А. Киви, Ю. Ахо, Э. Лейно, З. Топеллуса и других. По существу, эта книга была краткой антологией финской литературы. Авторы предисловия писали, что сборник преследует цели культурного сближения и сейчас, после революции, он нужен больше, чем когда-либо ранее.

Они не ошиблись. Сборник не только познакомил русского читателя с финской литературой, но, как это будет видно далее, нашел живой отклик в тех народах России, которые были родственны по языку финнам и приступали к строительству своей национальной культуры. Сборник произвел на Герда ошеломляющее впечатление, пробудив в нем интерес к финно-угроведению, к «Калевале», вдохновив его на поиски и составление удмуртского национального эпоса.

На основе сборника Герд сделал доклад по истории финской литературы на съезде удмуртских писателей, выполнил ряд переводов на удмуртский язык, создал по мотивам отдельных произведений финских поэтов несколько самостоятельных стихотворений, имеющих важное значение для его творческого роста.

Наибольшее влияние на Герда оказало творчество Л. Рунеберга, А. Киви, Э. Лейно, Я. Хеммера. Под его влиянием созданы такие стихи Герда, как «Удмурт музъемлы» («Удмуртской земле»), «Зечыран» («Качели»), «Чебер Марья» («Красавица Марья»), «Сяськаяськись льомпу» («Цветущая черемуха»), «Паво» («Павел») и другие.

Каковы те произведения, которые повлияли на Герда? Есть ли что-то общее между ними? И есть ли что-то общее между произведениями финских поэтов, оказавших влияние на Герда, и ранними рассказами М. Горького, которые пробудили в Герде поэта? Сопоставив стихотворения вышеназванных финских поэтов и ранние произведения М. Горького, нетрудно будет увидеть то,

что их объединяет. Это — романтизм. Другое дело, что природа романтизма у Горького и финских поэтов различна. Если произведения Рунеберга и Киви дают пример классического романтизма, а Э. Лейно — неоромантизма, то ранние произведения Горького — образец революционного романтизма.

Что нашел в них Герд — основоположник удмуртской поэзии? Он начал свой творческий путь в условиях появления первых проблесков активного национального самосознания, а затем и формирования удмуртской нации. Как поэт-просветитель, желающий ускорить пробуждение своего народа к самостоятельной общественно-политической жизни, он искал такие художественные формы, которые могли бы, по его мнению, с наибольшей силой взбудоражить народ, пробудить его от векового сна, призвав к активной национальной жизни и дав яркий образец общественного поведения. Такого рода формы мог предложить финский романтизм, связанный с финским национально-освободительным движением и процессом формирования нации, романтизм, который, по словам советского исследователя финской литературы Э. Карху, «...принес с собой первые лозунги национального пробуждения» [3, 26].

К тому же финский романтизм опирался на национально-фольклорные традиции, из которых исходила и удмуртская литература в период своего становления. Подобно Герду, финские романтики в свое время воспевали родной край, а также странника, бунтаря и поэта, порвавших с имущей средой. Встретив в финском романтизме родственные настроения, Герд подражал его формам («Бантар Онтон» — «Бунтарь Антон», «Огнам» — «Один» и другие). Это увлечение финским романтизмом могло бы быть самостоятельным периодом как в удмуртской поэзии в целом, так и в творчестве Герда, и породить свой национальный удмуртский романтизм, если бы задачи национального пробуждения и объединения, то есть те задачи, решение которых способствовало утверждению финского романтизма, долгое время оставались самостоятельными в истории удмуртского народа. Но в условиях иностранной интервенции и гражданской войны, создавших опасность для социалистического Отечества, под угрозу были поставлены сами судьбы национально-освободительного движения наро-

дств России. На повестку дня встала задача мобилизации масс на защиту социалистической революции и воспитания их в духе классовой солидарности и пролетарского интернационализма. И те поэты, которым были дороги судьбы своего народа, порой даже интуитивно, не ограничиваясь социально-отвлеченными идеалами романтизма, шли дальше — к освоению тех художественных форм, которые были определены впоследствии как социалистический романтизм.

Опираясь на революционный романтизм М. Горького, Герд как бы очищал финский романтизм и неоромантизм от его патриархально-идиллического налета, христианской символики, декадентского индивидуализма и вносил в него дух оптимизма и революционной борьбы. Правда, следует отметить, что переводя стихи того или иного финского поэта, Герд иногда сужал их содержание, решая лишь узко-просветительские задачи («Паво» — стихотворение, написанное по мотивам Л. Рунеберга).

О творческой перестройке Гердом заимствованных им художественных форм можно судить по его стихотворению «Качели», написанному под влиянием одноименного произведения А. Киви. Сопоставим эти два стихотворения. У А. Киви:

Садись-ка в качели со мной,
Красавица в белой косынке!
Природа стоит, как невеста, прекрасна
В Тронцу вечером.

Взвейтесь, качели, высоко,
Пусть веет девичья косынка
В ласковом воздухе!
Вглянись — под ногами у нас
Земли изумрудная зелень,
А небо над нами лазурно и ясно,
И шепчется западный ветер в долине, сливаясь,
С трелями птиц.
Взвейтесь, качели, высоко,
Пусть веет девичья косынка
В ласковом воздухе.
Летая в пустой вышине,
В объятьях прохладного ветра,
Я холм вдалеке увидел в позолоте
Вечерней зари.
Взвейтесь, качели, высоко,
Пусть веет девичья косынка
В ласковом воздухе!

Как дальняя счастья страна,
 Пленительно светится холмик.
 Туда я помчался бы с милрой, на крыльях
 Ветра закатного.
 Взвейтесь, качели, высоко,
 Пусть веет девичья косынка
 В ласковом воздухе!
 Там плечи дремотных берез
 Всегда под зеленым кафтаном,
 И нивы всегда золотятся на мягких
 Склонах холма.
 Взвейтесь, качели, высоко,
 Пусть веет девичья косынка
 В ласковом воздухе!
 В долине у спелющих нив
 Там луг зеленеет весенний,
 Где сладкие сумерки вечно телеют
 Желтые цветики.
 Взвейтесь, качели, высоко,
 Пусть веет девичья косынка
 В ласковом воздухе!
 Заря там целует зарю,
 Там вечное время несется,
 Стремительно мчится бегущим потоком
 В область забвения.
 Будет летать вам, качели!
 Уж в ласковом мраке бледнеют
 Девичьи щеки [3, 26].

(Перевод Д. Семеновского)

У К. Герда:

Приоденься, милая голубка,
 Приходи, милая Санды,
 Приходи поскорей на качели,
 Обними меня крепко-крепко.
 В это прекрасное время,
 В красный-красный день
 Почему ты дома сидишь,
 В окно свое смотришь?

Видишь? Над головой —
 В красивом, сине-голубом небе —
 Солнце светит, смеется,
 И сердце мое дрогнуло.

В черном мире мы,
 Несчастные, бедные люди,
 Долго жили, страдая,
 Много горя хлебнули...

Теперь солнце взошло,
 Темный мир проняло:
 Бедняков оживило —
 Новую силу, новые крылья им дало...

Приходи, приходи, Санды,
Милая, прекрасная голубка,
Приходи поскорей на качели,
Крепче меня обними!..

Никого не стыдись,
Не смущайся людей,
Рядом садись, милая,
Крепко-крепко меня обними!

Джечир, джечир (звукоподражание.— А. Ш.) качает,
Друзья мои, выше стремитесь...
Выше лесов поднимается —
За лесом видим горизонты...

Качели джукыр (звукоподражание.— А. Ш.) скрипят,
Солнце светит нам,
Ты не бойся, милая,
Обними меня крепко.

Сильнее раскачивайтесь, товарищи,
К самому солнцу стремитесь!..
И мы с вами станем, как солнце,
Новым огнем будем гореть [2,237].

(Подстрочный перевод автора статьи).

Как мы можем заметить, поэтическое переложение Герда несколько проигрывает по сравнению со стихотворением Киви в художественном отношении: оно потеряло пластику, разнообразие эпитетов (Надо сказать, художественные приемы и средства изображения на первых порах в удмуртской литературе вообще отставали от ее идейно-политического содержания). Но зато в стихотворении Герда есть ответ определенного идеала, чувствуется дыхание своего времени. Если влюбленные у Киви стремятся к некоей дальней и туманной стране счастья, то у Герда они обрели эту страну и уверенно глядят в будущее.

Влияние финского романтизма на Герда, которое было связано с поисками художественных форм пробуждения национального самосознания, постепенно, по мере становления социалистической удмуртской нации, ограничивалось, но не прекратилось. Финский романтизм и неоромантизм продолжали влиять на Герда другими своими гранями: удмуртского поэта привлекали в них интерес к внутреннему миру личности, поэтизации природы, свободный полет фантазии (разговор с сердцем у Герда и Э. Лейно).

В художественном решении социальных задач, которые ставило время, Герд все больше сближался с М. Горьким, с его историзмом. Наряду с утверждением новых положительных начал в жизни, он выражает резко-критическое отношение к старому, отжившему. Герд остро переживает то вызванное революцией противоречие, когда раскрылись горизонты для свободного развития удмуртской нации в единой семье народов, а условия жизни трудящихся масс, их безграмотность, социальная инертность, которые были оставлены в наследство царским самодержавием, мешали реализации этой свободы в кратчайшие сроки. Некоторые романтические присмы М. Горького использует Герд для того, чтобы вынести приговор остаткам патриархально-родовых отношений, стеснявших свободу личности. Его повесть «Мати» перекликается с «Легендой о Марко» М. Горького, в которой герой жертвует собой ради любви и оставляет после себя красивую легенду. Герония Герда, молодая женщина Мати, убегает в лес от насмешек, побоев и унижений, превращается в страшную лесную деву, и своим протестом, смелым поступком тоже оставляет после себя легенду.

В 20-е годы, когда в творчестве Герда начинает проявляться принцип метода социалистического реализма, поэт в романтическом свете изображает реальные действия реальных людей, строителей социализма, и одним из его главных героев становится вождь революции В. И. Ленин («В. И. Ленин», «Вождь», «Пять почей»). Открытие и изучение этих фактов проливает дополнительный свет на картину взаимосвязей финской и советской литературы и свидетельствует о том, что русский и западноевропейский, точнее скандинавский, романтизм в молодых литературах новой России нашел самую благодатную почву для своего воздействия и что связующим звеном, мировоззренческим мостом между ними был великий М. Горький.

Список литературы: 1. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 2. *Кузубай Герд.* Гажан эше!.— Ижевск: Удмуртия, 1978. 3. *Эйно Карху.* Финляндская литература и Россия. 1850—1900. — М.; Л., Наука, 1964.

Поступила 12.02.81